

Международный терроризм с использованием токсичных химикатов как элемент гибридной войны

Е.Н. Глотов, В.П. Котов, И.А. Лозанов, М.Л. Макаров,
О.М. Никитин, А.М. Флеер, Н.И. Шило

Федеральное государственное бюджетное учреждение «27 Научный центр» Министерства обороны Российской Федерации, 111024, Российская Федерация, г. Москва, проезд Энтузиастов, д. 19
e-mail: 27nc_1@mil.ru

Поступила 10 ноября 2022 г. Принята к публикации 27 марта 2023 г.

Современный терроризм представляет собой сложную систему, состоящую из комплекса взаимодополняющих процессов – идеологических, криминальных, военных, политических, религиозных и националистических. Химический терроризм является одним из элементов гибридной войны – новой технологии борьбы за переустройство мира на современном этапе. *Цель работы* – рассмотреть один из элементов гибридных войн – химический терроризм. *Источниковая и информационная база исследования*. В настоящей работе использовались источники, обнародованные Организацией по запрещению химического оружия (ОЗХО). Изучались публикации, доступные через базы данных PubMed, Google Scholar, eLibrary и др. *Метод исследования* – системный анализ по принципу от «общего к частному». Исследована вероятность применения террористами различной идеологической направленности боевых отравляющих веществ и токсичных химикатов как части стратегии гибридной войны. *Обсуждение результатов*. Гибридные военные конфликты неклассического характера предполагают участие в боевых действиях международных террористических организаций. Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении (КЗХО) не содержит прямого запрета в отношении негосударственных субъектов на предмет доступа к химоружию и его использования. Такая ситуация очень удобна государствам, подписавшим КЗХО и использующим террористические организации в рамках стратегии непрямых действий. Информационно-психологические операции в таких случаях нацелены на развал и фрагментацию страны, подрыв способности к сопротивлению, дискредитацию лидеров, внесение раскола в ряды союзников. Наиболее четко это проявилось в случае инцидентов с применением токсичных химикатов в Сирии. *Заключение*. Рабочие группы под эгидой ООН и ОЗХО, направляемые в Сирию для расследования инцидентов с применением химического оружия, оказались не способными проводить объективное расследование и обычно оказывались на стороне заказчиков химических террористических актов, вопреки очевидности фальсификации, что, в свою очередь, может привести к серьезным военным конфликтам, для которых роль *casus belli* сыграют ложные новости от глобальных СМИ. Единственным механизмом, позволившим в Сирии пресекать такие провокации, стало использование российской стороной публичного предупреждения о месте и времени намечающейся поставки. В то же время такая избирательная позиция ООН и ОЗХО может в любой момент привести к утрате контроля над химическим оружием в отдельных регионах мира.

Ключевые слова: гибридные войны; ислам; ООН; ОЗХО; политика; Россия; Сирия; терроризм; токсичные химикаты.

Библиографическое описание: Глотов Е.Н., Котов В.П., Лозанов И.А., Макаров М.Л., Никитин О.М., Флеер А.М., Шило Н.И. Международный терроризм с использованием токсичных химикатов как элемент гибридной войны // Вестник войск РХБ защиты. 2023. Т. 7, № 1. С. 24–40. EDN: keesjz. <https://doi.org/10.35825/2587-5728-2023-7-1-36-52>

24 февраля 2021 г., во время заседания коллегии ФСБ, президент России Владимир Путин во вступительном слове отметил,

что необходимо уделить особое внимание вскрытию контактов террористических групп и зарубежных спецслужб, так как тер-

роризм уже давно стал элементом гибридной войны^{1, 2}.

В XXI в. практически на всех континентах военно-политическая обстановка характеризуется нестабильностью. На фоне постепенного перераспределения влияния между традиционными и вновь появляющимися центрами политического и экономического влияния, ужесточения конкуренции между ними, проявляются конфликты интересов как глобальных, так и региональных масштабов.

Основной движущей силой обострения политических конфликтных ситуаций являются экономические интересы западных государств, так как политика есть концентрированное выражение экономики³. Посредством навязывания исключительно своей точки зрения на общемировые процессы и проведения политики сдерживания зарождающихся альтернативных центров политической силы западные страны стремятся удержать свои, завоеванные десятилетиями, позиции. При реализации западными странами такого курса происходит нарастание нестабильности в международных отношениях. Таким образом, борьба военно-политического руководства Запада за повсеместное доминирование в формировании ключевых принципов организации международной системы становится главной тенденцией современного этапа мирового развития. Это обстоятельство, в свою очередь, привело к появлению стратегии гибридных войн – новой технологии борьбы за переустройство мира.

Цель работы – рассмотреть один из элементов гибридных войн – химический терроризм.

Международный терроризм – определение понятия. При изучении проблемы международного терроризма и его развития целесообразно выделить ряд моментов:

- основные цели химического терроризма как элемента гибридной войны;
- религиозный радикализм как основа терроризма и его отношение к традиционному исламу;
- целенаправленная пропагандистская деятельность иностранных СМИ по созданию двойных стандартов в оценке действий различных террористических групп (организаций);

- использование странами Запада и США трибуны ООН и других ведущих международных организаций для дискредитации Сирийской Арабской Республики (САР) и России;

- комплексное применение тактических приемов гибридной войны с использованием токсичных химикатов в САР;

- факторы фальсификации применения токсичных химикатов в САР.

Один из наиболее авторитетных специалистов в области исследований сущности и развития гибридных войн А.А. Бартош в статье «Стратегия и контрстратегия гибридной войны» [1] подчеркнул, что на стратегическом уровне операции гибридной войны рассматриваются в самом широком контексте, охватывающем внутреннюю и внешнюю политику, финансы и экономику страны, информационно-коммуникационную сферу, моральный дух армии и населения и прочие факторы, влияющие на способность нации к сопротивлению. Таким образом, свойством многомерности в полной мере обладают и гибридные военные конфликты [2–4] неклассического характера с участием в боевых действиях вооруженных формирований негосударственных субъектов, в числе которых – международные террористические организации.

В настоящее время одним из элементов стратегии гибридных войн является использование Западом международного терроризма. В правоохранительной практике выделяются следующие черты международного терроризма [5]:

- цели, которые преследуют террористы, затрагивают несколько стран;

- преступление или подготовка к нему начинается в одной стране, а заканчивается в другой;

- средства, на которые существует та или иная террористическая группа, происходят из другой страны;

- жертвами террористических актов становятся граждане различных стран и участники мероприятий, проводимых международными организациями, либо лица, пользующиеся международной защитой;

- нанесенный ущерб затрагивает несколько стран или международные организации.

Поскольку политические и экономические интересы зачастую ставятся выше, чем инте-

¹ Стенограмма выступления Путина на заседании коллегии ФСБ России. URL: <http://prezident.org/tekst/stenogramma-vystuplenija-putina-na-zasedanii-kollegii-fsb-rossii-24-02-2021.html?ysclid=lbdbp8vgi622054147> (дата обращения: 07.12.2022).

² Лару Д. Гибридная волна: Путин обозначил главные угрозы для России. 24 февраля 2021. URL: <https://iz.ru/1129047/dmitrii-laru/gibridnaia-volna-putin-oboznachil-glavnye-ugrozy-dlia-rossii> (дата обращения: 07.12.2022).

³ Ленин В.И. Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина. ПСС. 5-е изд. М.: Изд-во политической литературы, 1967. Т. 42. С. 278.

ресы борьбы с терроризмом, то можно увидеть также и непропорциональное вмешательство иностранных держав во внутренние дела того или иного государства. Примером может послужить политическая, экономическая, а также военная помощь различным группировкам вооруженной сирийской оппозиции со стороны США, некоторых европейских и арабских государств. Некоторые из этих группировок являются террористическими организациями (либо тесно с ними связаны), причем они признаны таковыми не только в Сирии, но и в США и даже в ООН.

В современном международном праве применительно к актам химического терроризма имеются пробелы, затрудняющие эффективную борьбу с этим явлением.

1. Отсутствуют нормы международного обычного права, напрямую запрещающие применение химического оружия негосударственными субъектами и – в особенности – квалифицирующие такие действия в качестве международного преступления.

2. «Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении» (КЗХО) содержит весьма ограниченный набор обязательств по обеспечению уголовного преследования лиц, осуществляющих деятельность, запрещенную КЗХО для государств-участников. Режим КЗХО не отвечает в полной мере современным требованиям и достигнутым стандартам в борьбе с терроризмом.

Такое положение дел неоднократно отмечалось в дискуссиях в рамках действующей под эгидой Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО) с 2001 г. рабочей группы по контртерроризму и ее подгруппы по правовым аспектам указанной проблемы. Конвенция налагает обязательства не разрабатывать, не производить, не приобретать иным образом, накапливать или сохранять химическое оружие или не передавать прямо или косвенно химическое оружие только на государства-

участники⁴. Это в равной степени касается и основополагающего требования не применять химическое оружие ни при каких обстоятельствах.

Таким образом, КЗХО не содержит прямого запрета в отношении негосударственных субъектов на предмет доступа к химическому оружию и его использования. Такой запрет лишь в опосредованной форме вытекает из Статьи VII (1)(a) КЗХО, которая обязывает государства-участники запрещать негосударственным субъектам на своей территории или в любом другом месте под их юрисдикцией, как это признано международным правом, любую деятельность, не разрешенную в соответствии с данной Конвенцией, и вводить уголовное наказание за подобную противоправную деятельность.

Ислам и терроризм. Отдельный интерес, в связи с распространением во всем мире так называемого «исламского терроризма», представляет позиция исламских правоведов по вопросу определения международного терроризма.

Слово «террор» в западноевропейских языках (и в русском – в качестве заимствования) происходит от латинского *terror, ōris m [terreo]* 1) страх, ужас; 2) предмет страха, устрашающее обстоятельство; *terreo, uī, itum, ēre* – 1) пугать, устрашать; распугивать, прогонять, отгонять; отпугивать, (страхом) удерживать, отклонять [6]. Корень *tres-, *ters- – праиндоевропейский⁵.

Так что с точки зрения этимологии террор – это, в первую очередь, устрашение. А также нечто, наводящее страх, внушающее ужас.

Наведение ужаса на врагов, согласно Корану, является разрешенным и даже рекомендованным, но лишь в том случае, если оно является элементом военной тактики в открытых боевых действиях.

«8.59. Пусть не думают неверующие, что они опередят других. Воистину, им не сбежать. 8.60. Приготовьте против них сколько можете силы и боевых коней⁶, чтобы устрашить врага Аллаха и вашего врага, а также тех, которых вы

⁴ Такое положение является серьезным правовым пробелом в контроле над химическим оружием. Иными словами, если, допустим, ИГИЛ (запрещено в России) не присоединилось к КЗХО, это означает, что в части, касающейся неприменения химического оружия, оно никаких обязательств на себя и не брало, а значит, оно может спокойно применять химическое оружие, формально ничего не нарушая. То есть строго формально ИГИЛ применять химическое оружие – можно, так как под обязательства его не применять оно не подписывалось.

⁵ На это обстоятельство указывает наличие однокоренных слов в таких хронологически и географически далеких друг от друга языках, к тому же, принадлежащих к разным языковым группам, как авестийский (диалект Младшей Авесты) (*j. tarštaŋ – f. Schrecken, Furcht.* [7]; н.-перс. *tars* – страх, ужас) и древнегреческий (*τρέω – дрожать, бояться* [8]). Применительно к славянским языкам см. Этимологический словарь русского языка М.: Фасмера. М. 2006. URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/%D1%82/%D1%82%D1%80%D1%8F%D1%81%D1%83> (дата обращения: 07.12.2022).

⁶ Интересны современные трактовки этого положения. «Это предписание подразумевает развитие различных отраслей военной промышленности, занимающихся изготовлением пушек, пулеметов и винтовок, строительством военных самолетов, наземной и морской воен-

не знаете, но которых знает Аллах. Что бы вы ни израсходовали на пути Аллаха, вам будет возвращено сполна, и с вами не поступят несправедливо. 8.61. Если они склоняются к миру, ты тоже склоняйся к миру и уповай на Аллаха. Воистину, Он – Слышащий, Знающий»^{7,8}.

В средневековых арабских письменных источниках этим же словом обозначался страх перед Богом [9], чтобы верующий избегал гнева и наказания Всевышнего и одновременно просил Его милости и прощения [5].

Терроризм как таковой, в качестве наказуемого деяния, в Коране не упоминается. Но действия (и их последствия), считающиеся террористическими по своему характеру – убийство, причинение ущерба имуществу и т.д., квалифицируются как греховные и наказуемые.

В частности, внимательный анализ многих положений Корана однозначно подтверждает, что в нем уделяется большое внимание вопросам безопасности, заботы о сохранности имущества и жизни людей, неприкосновенности жизни, чести и достоинства [10].

Существует два различных подхода к вопросу определения терроризма среди исламских правоведов⁹. Первый подход отрицает необходимость определения терроризма как такового. Согласно этому мнению, описывать явление терроризма гораздо легче, чем характеризовать его, особенно с учетом того, что характеристика относится к теоретическому и идеологическому вопросу, который может усугублять и без того существующие разногласия относительно философских взглядов, которые в разных обществах могут кардинально отли-

чаться друг от друга. Сторонники данного подхода отмечают, что в вопросе определения терроризма любой исследователь соприкасается с его истинными причинами, связанными с проявлениями несправедливости, порабощения и деспотизма.

Второй подход опирается на мнение ученых, которые раскрывают определение терроризма, используя характеристики его составляющих, перечисляя действия, являющиеся сутью этого преступления. Данный подход, в свою очередь, также делится на два направления: 1) материальное; 2) связанное с определением терроризма в соответствии с его целями.

Материальное направление дает характеристику терроризма как акта, направленного на достижение конкретной цели. Сторонники данного направления определяют терроризм как действие, считающееся террористическим по своему характеру: убийство, захват заложников. В этом контексте основным критерием является квалификация действий, составляющих материальную сторону терроризма. Остальные компоненты терроризма определяются на их основании, их наличие делает преступление собственно террористическим. Ряд исламских специалистов выделяют пять деяний в качестве состава преступления, которые различаются по степени тяжести. При этом необходимым является наличие одного, любого, из этих пяти элементов. Только в таком случае акт можно считать террористическим. К указанным элементам относятся:

- вооруженное насилие, уносящее жизни невинных людей¹⁰;

ной техники, строительством оборонительных укреплений и других инженерных сооружений. Этот аят призывает к развитию общественной мысли и политической деятельности, направленной на развитие мусульман и защиту их интересов от нападков врагов... Это предписание также подразумевает приобретение военной техники, необходимой для ведения боевых действий. Мудрость этого веления заключается в устраниении противника, и этот вопрос остается актуальным по сегодняшний день. Как известно, религиозное предписание остается в силе до тех пор, пока существует причина, по которой оно было ниспослано. И если есть наземная или воздушная боевая техника, которая способна устроить врага и благодаря которой легче одержать победу, мусульмане обязаны приобретать ее и проводить соответствующие разработки. Если подобные разработки невозможны без развития некоторых областей науки, то мусульмане обязаны развивать их, поскольку каждый поступок, необходимый для осуществления обязательного предписания, также является обязательным» [11].

⁷ Аль-Анфаль, 59–61 // Коран. Перевод смыслов и комментарии Э.Р. Кулиева М. 2004. С. 209.

⁸ Важно еще раз отметить следующее обстоятельство. Аяты суры Аль-Анфаль были ниспосланы во время войны, после битвы при Бадре (13 марта 624 г.). Речь идет об открытых военных действиях, т.е. пресловутые «неверующие» (в данном случае речь шла о курайшитах) даже по современным и не исламским понятиям являлись бы законными целями войны.

⁹ Зияд Захер Един. Исламская концепция борьбы с международным терроризмом. Дис. ... канд. юр. наук. URL: <https://www.disscat.com/content/islamskaya-kontseptsiya-borby-s-mezhdunarodnym-terrorizmom?ysclid=latzsqsoh4982337309/read/pdf> (дата обращения: 11.12.2022).

¹⁰ В организациях, считающихся или признанных террористическими, и которые используют в своей деятельности террористические методы, существуют свои идеологические обоснования, объяснения и оправдания своих действий, в том числе и таких, которые можно квалифицировать как теракты. К примеру, массовый расстрел учеников в школе. Или взрыв смертника в толпе людей на базаре или выходящих из мечети. Но приводить эти обоснования мы, по понятным причинам, не будем. К тому же, это бессмысленно – теракты, совершенные общественно опасными способами, в результате которых гибнут случайные люди, совершали и совер-

- необычное тяжкое насилие;
- наличие у преступления черт организованности, проявляющейся в используемых методах действия;
- осознанное преступление, т.е. существование у субъекта преступного умысла, нацеленного на создание обстановки паники и хаоса в массах;
- незаконность акта, отличающегося скрытностью и внезапностью.

Другое направление, как было уже отмечено, сопряжено с определением терроризма в соответствии с его целями.

Таким образом, единого и приемлемого для всех определения понятия международного терроризма в настоящее время также не существует, его еще только предстоит разработать.

Поэтому все усилия, направленные на борьбу с этим явлением, объективно могут оказаться напрасными, если не удастся достичь единства мнений в вопросе, что же именно следует считать актом международного терроризма в целом, безотносительно частных политических, экономических, геополитических и других интересов единичных субъектов международного общения.

Реализация стратегии гибридной войны. Задачей любой стратегии является эффективное использование наличных ресурсов для достижения основной цели. Стратегия достигает основной цели через решение промежуточных тактических задач по оси ресурсы – цель. Стратегия как способ действий становится особо необходимой в ситуации, когда для прямого достижения основной цели недостаточно наличных ресурсов. Тактика же является инструментом реализации стратегии и подчинена основной цели стратегии.

Реализация стратегии гибридной войны на тактическом уровне осуществляется по нескольким основным направлениям:

- навязывание странами Запада своей точки зрения на общемировые процессы;

- расширение негативного влияния на стабильность и предсказуемость международной обстановки, а также инициирование рецидивов в односторонних силовых подходах в международных отношениях;

- создание благоприятных условий для возрастания активности и расширения географии террористических и экстремистских организаций в мире;

- нарушение ранее заключенных межгосударственных договоров в области ограничения и сокращения вооружений;

- наращивание использования современных информационных технологий в целях воздействия на массовое сознание и достижения желаемых политических преобразований в отдельных государствах и регионах;

- усиление глобального информационного противоборства, совершенствование форм противоправной деятельности в киберсфере и сфере высоких технологий.

Субъекты военной политики, планируя и осуществляя свою деятельность, уделяют значительное внимание тому, как она будет представлена в средствах массовой коммуникации (СМК). Не случайно в военной стратегии появился термин информационное обеспечение ТВД. Решение военно-политических задач напрямую зависит от их представления в СМК.

Технологии PR (паблик рилейшнз) представляют собой совокупность информационно-пропагандистских действий, применение которых обеспечивает реализацию военно-политических целей на основе возможностей СМК.

Технологии PR нацелены на всестороннее разъяснение коммуникаторам существующих военно-политических проблем, на создание положительного в их глазах образа (имиджа) субъекта военной политики, на обеспечение благоприятного общественного мнения для реализации предусмотренных целей. Такая линия поведения в информационном пространстве ведет к формированию у людей необходимой ценностной ориентации на во-

шают не только на Ближнем Востоке, так что ничего специфически исламского в них все равно нет. Можно вспомнить, к примеру, как в 1980-е – начале 1990-х гг. буквально «умывалась кровью» вся северная Индия, в первую очередь штат Пенджаб, в результате борьбы сикхских радикальных коммуналистов за «свободу Халистана» (а также борьбы индийских правоохранительных органов с этими коммуналистами). Одному из авторов настоящей статьи доводилось в свое время жить под Амритсаром в доме с простреленными из автоматов дверями и оконными рамами (здесь проводили контртеррористическую операцию), а также неоднократно общаться с родственниками сикхов, убитых боевиками «Дамдами Таксал» за «недостаточную правильность». А заодно наблюдать в Центральном музее сикхизма в амритсарском Золотом храме портреты убитых во время операции «Blue Star» и признанных «мучениками за веру». Наиболее известными за пределами Индии акциями радикальных сикхских коммуналистов стали организация убийства 31 октября 1984 г. тогдашнего премьер-министра Индиры Ганди (в качестве мести за «Blue Star») и взрыв в небе возле побережья Ирландии пассажирского самолета авиакомпании «Air India» (рейс AI 182 Kanishka), следовавшего по маршруту Монреаль–Квебек–Лондон–Нью-Дели–Мумбаи. Боинг-747 был взорван 23 июня 1985 г. на высоте 9500 м. Погибли все 329 находившихся на борту самолета человек, в том числе 82 ребенка. До 11 сентября 2001 г. взрыв рейса AI 182 Kanishka считался самым кровавым актом воздушного терроризма в мире.

енно-политические события, побуждает их к действиям в интересах субъекта военной политики. Таким образом, между коммуникаторами возникает взаимопонимание, и население вовлекается в реализацию военно-политических целей. Значительную роль PR-технологии могут сыграть в разоблачении преступных целей международного терроризма. Исходя из этого, PR можно рассматривать, как сообщения в СМК с целью раскрытия сущности терроризма и формирования в обществе нетерпимости к нему.

Одновременно PR-технологии являются инструментом гибридной войны и поэтому используются США и странами Запада с целью дискредитации экономических и политических оппонентов. Информационно-коммуникационные технологии позволяют добиться перевода страны под внешнее управление при минимальном уровне военного насилия, за счет концентрированного давления в финансово-экономической и информационно-психологической сферах, направленного на хаотизацию экономики, сферы военной безопасности, культурно-мировоззренческой сферы, а также на поддержку экстремистских элементов в оппозиции и осуществление экспансии в регионы, прежде всего за счет координированного использования контролируемых оппозицией электронных отечественных и зарубежных СМИ. Важное место отводится завоеванию поддержки со стороны международных организаций и международной общественности; организации сетевых структур управления подрывными действиями, снабжения, связи и мониторинга обстановки.

Информационно-психологические операции нацелены на развал и фрагментацию страны, подрыв способности к сопротивлению, дискредитацию лидеров, внесение раскола в ряды союзников и партнеров.

В этих целях пропаганда использует следующие приемы:

Во-первых, это ценностный характер содержащихся в тех или иных пропагандистских материалах утверждений, допускающий возможность и существование отличных, в том числе противоположных утверждений.

Пропаганда создает собственную информационную модель действительности, которая может значительно отличаться от аналогичных моделей, создающихся социально-политической наукой. Пропагандистская информационная модель характеризуется четко выраженной прямой связью отбираемых объектов с провозглашаемыми утверждениями. Более того, первые должны соответствовать вторым и предельной простотой (ясностью) изображаемой картины в целом,

согласованностью отдельных фрагментов картины друг с другом и т.д.

При подобном подходе вполне естественной оказывается архитектура модели, отдельные части которой могут быть развиты непропорционально друг другу и, сверх того, характеризоваться значениями (удельными весами), отличающимися от реальных. Одновременно естественным является и то, что из создаваемой модели при прочих равных обстоятельствах исключаются факты и события, нейтральные по отношению к пропагандируемым ценностям или (хотя бы по видимости) противоречащие им; что в модели чаще не фигурируют фрагменты действительности, интерпретация которых (к моменту сообщения) не является однозначной или вызывает затруднения и т.д.

Во-вторых, чаще явно выраженная идеологическая направленность сообщений, но могут осуществляться и просветительские функции.

Пропагандистская информация имеет знаковую окрашенность. Данная черта может выражаться в текстах пропаганды с различной степенью отчетливости – в диапазоне от откровенных симпатий и антипатий до суждений, в которых позиция пропагандиста выражена неявным образом. В свою очередь, знак оценки изображаемой действительности, варьируя от максимально сильного утверждения (одобрения) до максимально сильного отрицания (порицания), может не сводиться лишь к этим двум – белой и черной – краскам, но использовать большее или меньшее количество заключенных между ними полутонов и оттенков. Однако суть дела от этого не меняется: всякий образ представляет собой органическое соединение элементов рационального и эмоционального, абстрактного и чувственного отражения действительности. Поэтому и содержащий такой образ вербальный текст с неизбежностью должен окрашивать предлагаемые сведения о действительности, т.е. сопровождать всякое знание о действительности явным или скрытым, сильным или слабым знаком отношения к ней.

В-третьих, распространяемые идеи и взгляды должны воздействовать на сознание людей и изменять их поведение в направлении, необходимом коммуникатору.

Что же касается структуры такой информации, то ее специфика как особого типа отражения (моделирования) социально-политической действительности всецело определяется функциональным назначением данных сообщений. То есть пропагандистская функция информации заключается в том, что сообщения пропаганды реализуют процесс убеждения и обеспечивают проникновение в сознание соответствующих ценностных утверждений.

Таким образом, пропаганда имеет своей непосредственной задачей, во-первых, распространение определенного образа социальной действительности, во-вторых, формирование у людей, к которым она обращена, определенного способа отношения к действительности, включая все возможные формы такого отношения – психологические (эмоциональные), вербальные и деятельностные.

Вместе с тем, пропагандистские высказывания подразумевают выработку у объекта пропагандистского воздействия не просто того или иного отношения к действительности, но определенного способа отношения к действительности вообще, к действительности как таковой – следовательно, в том числе к той действительности, которая не находит прямого отражения в содержании пропагандистских сообщений, но с которой в процессе практической деятельности постоянно сталкивается аудитория пропаганды.

Реализация пропагандистской функции информации определяется содержанием социальных и политических сил общества. Конкретное наполнение содержания пропагандистских сообщений оказывается прямо противоположным в зависимости от характера социально-экономических и идеологических систем, которые обслуживает соответствующая пропаганда.

Применение токсичных химикатов в Сирии. Комплексное применение тактических

приемов гибридной войны наиболее четко проявилось в случае инцидентов с применением токсичных химикатов в Сирии, которые получили международную огласку. Объективный анализ реального фактического материала с мест так называемых химических атак показал, что ни одно химическое нападение, приписываемое сирийской армии, не нашло объективного подтверждения. Также не зафиксировано ни одного случая использования химических боеприпасов заводского производства. Тем не менее, западные средства массовой информации и неправительственные организации ряда стран развернули масштабную пропагандистскую кампанию о якобы ведущейся сирийским правительством химической войне против своего народа [12].

Впервые о химическом оружии в Сирии всерьез заговорили в 2012 г. Однако развитие наиболее опасного этапа гибридной войны началось в 2013 г.¹¹ [13]. Так, 19 марта 2013 г. антиправительственными силами был осуществлен запуск ракеты, снаряженной зарин, по району Хан аль-Асаль¹² под Алеппо, который находился под контролем правительства Сирии. Правительство Сирии обратилось к ООН с просьбой о помощи в расследовании всех обстоятельств применения химического оружия¹³. Однако ряд высокопоставленных чиновников США заявили, что это правительственные силы Сирии применили химическое оружие. Таким образом, первое применение химического оружия на территории Сирии по-

¹¹ Впервые о химическом оружии в Сирии заговорили в 2012 г. Изначально это были лишь, по сути, слухи со ссылками на некие источники в американских спецслужбах. Однако в июле 2012 г. его наличие подтвердил список сирийского МИД Джихад Макдиси. При этом он подчеркнул, что «никакое оружие массового поражения или неконвенциональное оружие, которым располагает сирийская армия, никогда и ни при каких обстоятельствах не будет использовано в ходе нынешнего кризиса против сирийского народа или гражданского населения. Оно было сделано для использования строго только в случае внешней агрессии против Сирийской Арабской Республики». URL: <https://www.nytimes.com/2012/07/24/world/middleeast/chemical-weapons-wont-be-used-in-rebellion-syria-says.html> (дата обращения: 01.09.2022).

Однако в том же году появились и первые утверждения о его применении в ходе гражданской войны. 23 декабря 2012 г. сирийская оппозиция стала заявлять о якобы применении режимом Асада ядовитого газа в Хомсе. По утверждениям сирийской оппозиции, мгновенно растражированным западными, израильскими, а также рядом арабских СМИ, погибли и пострадали десятки человек. URL: <https://www.timesofisrael.com/rebels-say-assad-regime-used-chemical-weapons-in-attack-on-homs/> (дата обращения: 11.12.2022), URL: <https://www.businessinsider.com/assad-reportedly-using-chemical-weapons-homs-syria-rebels-2012-12> (дата обращения: 11.12.2022), URL: <https://english.alarabiya.net/articles/2012%2F12%2F25%2F256925> (дата обращения: 11.12.2022), URL: <https://www.israeldefense.co.il/en/content/%E2%80%9Csyria-used-chemical-weapons-homs%E2%80%9D> (дата обращения: 11.12.2022). В качестве рабочей версии даже стали вбрасывать идею о том, что в Хомсе был применен зарин. Тогда же стали распространяться и видеоролики с якобы пораженными химическим оружием местными жителями. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=uLc4zoAmbRE> (дата обращения: 11.12.2022). Никаких официальных подтверждений этим сообщениям, однако, не было. Подробнее о хронологии химических инцидентов см. URL: <https://www.armscontrol.org/factsheets/Timeline-of-Syrian-Chemical-Weapons-Activity> (дата обращения: 11.12.2022).

¹² Характерно, что стороны сразу же стали обвинять друг друга, официальный Дамаск – оппозицию, оппозиция – сирийских военных. URL: <https://www.nytimes.com/2013/03/20/world/middleeast/syria-developments.html?pagewanted=all> (дата обращения: 11.12.2022).

¹³ United Nations, 12 December 2013. United Nations Mission to Investigate Allegations of the Use of Chemical Weapons in the Syrian Arab Republic: Final report. 12 December 2013.

лучило полную поддержку со стороны США и их союзников [12].

Посчитав сравнительно удачными результаты первой провокации против правительственных сил Сирии, террористические группировки при поддержке стран Запада провели ряд последовательных атак с применением токсичных веществ против мирного населения. При этом они возлагали всю ответственность за применение запрещенного оружия на правительственные войска Сирии. В работе [12] приводится хронология основных событий, связанных с применением химического оружия:

- август 2013 г., пригород Дамаска – Восточная Гута [14] (самодельные ракеты, зарин)¹⁴;

- апрель – август 2014 г., северная Сирия, провинция Идлиб (единичные бочковые бомбы кустарного производства с баллонами хлора внутри); в 2015 г. Миссия по установлению фактов проводила расследования сообщений о применении в 2014 г. самодельных бочковых бомб с хлором в деревнях Тальменес, ат-Тамана (провинция Идлиб), а также в деревне Кафр Зита (провинция Хама)¹⁵;

- март – май 2015 г., провинция Идлиб (единичные бочковые бомбы кустарного производства с хлором);

- сентябрь 2016 г., населенный пункт Марат-Умм-Хауш (две самодельные мины с ипритом);

- март 2017 г., деревня аль-Латамна, провинция Хама (подрыв двух боеприпасов, снаряженных зарином, применение бочковой бомбы с хлором, а также имитация применения боеприпасов, снаряженных зарином);

- апрель 2017 г., город Хан-Шейхун, провинция Идлиб (имитация применения авиационной бомбы, снаряженной зарином);

- февраль 2018 г., город Саракиб, провинция Идлиб (два баллона с хлором);

- апрель 2018 г., Дума, восточная Гута (бомба с зарином).

На протяжении веков у большинства населения планеты выработалось резко негативное отношение к использованию в боевых действиях, и особенно в мирное время, токсичных химикатов. Химическое оружие (ХО) всегда ассоциировалось, в первую очередь, с аморальностью, особой жестокостью и бесчеловечностью. Именно поэтому, посредством провокаций с использованием ХО, наиболее быстро достигаются цели по дискредитации действующей власти любого государства и склонению мирового сообщества к устойчивому мнению о

необходимости силового и экономического давления на него. Современная обстановка в мире свидетельствует о том, что применение токсичных химикатов (ТХ) в локальных вооруженных конфликтах приобретает реальные формы инструмента политического давления на государства.

Токсичные химикаты, чаще всего используемые во время терактов или провокаций. По мнению зарубежных исследователей, изучающих вопросы химического терроризма [15–17], наиболее вероятно террористами могут быть использованы «классические» отравляющие вещества. Это, в первую очередь, отравляющие вещества (ОВ) нервно-паралитического действия, такие как табун (GA), зарин (GB), зоман (GD), вещества типа VX, а также ОВ кожно-нарывного действия – иприт (HD), азотистые иприты (HN-1, HN-2, HN-3), люизит (L). В то же время нельзя исключать возможность применения террористами высокотоксичных веществ, выпускаемых химической промышленностью (хлор, фосген, цианиды), а также химических средств борьбы с беспорядками (CS, CN, CR).

Некоторым образом, часть приведенного перечня «классических» отравляющих веществ и высокотоксичных веществ химической промышленности была реализована при совершении актов химического терроризма. Примером служат химические инциденты в Сирии, произошедшие в период 2013–2018 гг. с применением зарина, иприта и хлора, последствиями которых явились ракетные удары по объектам Сирийской Арабской Республики. Они же стали предлогом для оказания военной поддержки силам оппозиции.

Из всех случаев применения токсичных химикатов в Сирии использование зарина в проведении террористами химических атак представляет наибольшую угрозу для гражданского населения. Для расследования инцидентов с применением зарина в Сирию направлялись те или иные рабочие группы под эгидой ООН и ОЗХО. Рабочие группы ООН – ОЗХО, под разными названиями, с различными наборами полномочий и планами действий каждый раз доказательно устанавливали факт применения зарина. Однако на этом объективное расследование заканчивалось и путем подтасовки данных рабочие группы приходили к одним и тем же выводам, что зарин синтезирован из исходных соединений по стандартам и техноло-

¹⁴ United Nations Mission to Investigate Allegations of the Use of Chemical Weapons in the Syrian Arab Republic Report on the Alleged Use of Chemical Weapons in the Ghouta Area of Damascus on 21 August 2013. URL: https://s3.amazonaws.com/unoda-web/wp-content/uploads/2013/09/SG_Report_of_CW_Investigation.pdf. (дата обращения: 11.12.2022).

¹⁵ Third Report of the OPCW Fact-Finding Mission in Syria. S/1230/2014. 18 December 2014.

гиям правительственных предприятий и применялся правительственными вооруженными силами в виде боеприпасов бинарного типа.

Критический анализ выводов группы по расследованию и идентификации (ГРИ). Исходя из проведенного анализа зарубежных публикаций в работе [18], можно судить о том, что основное внимание при выполнении научно-исследовательских работ уделялось различным производным кислот фосфора. Эти соединения изучались как в плане поиска веществ с промежуточной летучестью, так и в плане отработки новых компонентов бинарных систем химического оружия.

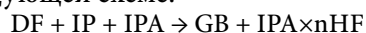
Реакции в бинарных боеприпасах должны, по возможности, осуществляться в следующих условиях:

- происходить в однородной (гомогенной) среде;
- в отсутствие катализатора;
- без дополнительного нагрева и повышения давления;
- скорость реакции должна обеспечивать образование целевого соединения в течение короткого времени (от нескольких секунд до нескольких минут).

Акцептор фтористого водорода подбирался, исходя из ряда требований:

- минимальная молекулярная масса;
- сравнительно невысокая температура кипения (до 100 °С);
- прекрасная растворимость (более 10 г/л) в одном из компонентов смеси, создающая возможность образования однородной (гомогенной) среды, без границы раздела фаз;
- способность образовывать полифторгидраты, т.е. одна молекула акцептора может связывать несколько молекул фтористого водорода.

Созданный и принятый на вооружение в США в конце 1970-х годов гаубичный снаряд М-687 (155-мм) явился воплощением разработок в рамках программы химического перевооружения. В бинарном боеприпасе М-687 (155-мм), т.е. в боеприпасе, принятом на вооружение в армии США, предполагается наличие двух контейнеров (канистр): М-20 (с компонентом DF) и М-21 (с изопропиловым спиртом – компонент IP и изопропиламином – компонент IPA). Смесь IP и IPA называется некритическим компонентом (ОРА). Образование зарина (GB) в таком бинарном боеприпасе возможно по следующей схеме:

Взаимодействие дифторангидрида метилфосфоновой кислоты и изопропилового спирта в присутствии акцептора фтористого водорода осуществляется с довольно высоким выходом зарина за несколько секунд. Смешивание исходных реагентов может осуществляться простым механическим разрушением оболочек (контейнеров) в боеприпасе либо на местах хранения (в критических ситуациях международной обстановки), либо на боевых позициях. Естественно, что с увеличением времени смешивания компонентов увеличивается и выход продукта. В США проводились токсикологические испытания реакционных смесей зарина, полученного по бинарному варианту, через определенное время вовлечения во взаимодействие соответствующих исходных реагентов. Образующиеся реакционные смеси проявляют токсичность того же порядка, что и чистый зарин.

Исходя из основных требований, предъявляемых к акцептору фтористого водорода, наиболее оптимальным вариантом является изопропиламин. И именно изопропиламин нашел

Таблица 1 – Основные свойства гексаметилентетрамина и изопропиламина

Название вещества	Синонимы	Формула	Молекулярная масса	Внешний вид	Температура плавления, °С	Температура кипения, °С	Растворимость г/100 мл
Гексаметилентетрамин	Гексамин, уротропин, уризол, метенамин, формамин	$(CH_2)_6N_4$	140,19	Бесцветные кристаллы	263 с разложением	-	в воде – 81,3; в хлороформе – 13,4; в метаноле – 7,3; в этаноле – 2,9
Изопропиламин	2-аминопропан	$(CH_3)_2CHNH_2$	59,11	Прозрачная жидкость	-101,2	34	Смешивается в любых соотношениях с водой, этиловым и метиловым спиртами, диэтиловым эфиром

свое применение в воплощении бинарного боеприпаса, разработанного в США (таблица 1).

Использовать же гексамин в качестве акцептора фтористого водорода в бинарных боеприпасах совершенно не целесообразно по целому ряду объективных причин, основанных на физико-химических свойствах гексамина:

- гексамин – это твердое вещество с довольно высокой молекулярной массой и поэтому будет занимать значительную весовую нагрузку в боеприпасе;

- сравнительно низкая растворимость в спиртах однозначно приведет при смешивании исходных реагентов к образованию в боеприпасе объемного гелеобразного осадка, который будет препятствовать образованию целевого соединения – зарина.

Использование гексамина в процессе получения зарина в промышленных объемах, конечно, допустимо. Однако во всей, ставшей уже классической, научно-технической литературе указывается на нежелательность использования практически любых акцепторов галогеноводородов. Это связано с рядом технологических затруднений отделения галогенгидратов в процессе получения фторфосфонатов. Хотя в США реализовали метод получения зарина, на заключительном этапе, взаимодействием дифторметилфосфоната (DF) и изопропилового спирта в присутствии третичного амина [19, 20].

Еще с середины прошлого столетия стало очевидным, что способы получения зарина в промышленности и способы получения зарина в бинарных боеприпасах отличаются друг от друга. Главные отличия заключаются в следующем:

- в бинарном боеприпасе существует жесткий лимит времени образования зарина – от нескольких секунд до минут, что в промышленности отсутствует;

- при промышленном получении зарина обязательным технологическим этапом является выделение целевого продукта – зарина из реакционной смеси, в то время как в бинарном боеприпасе зарин остается в реакционной смеси вместе со всеми продуктами реакции.

Обнаружение в Сирии на месте совершения террористических актов с использованием зарина таких соединений, как диизопропилфторфосфат (DIPF), триизопропилфосфат (TRP), диизопропилметилфосфонат (DIMP), гексамин, а также продуктов разложения зарина – изопропилметилфосфоновой кислоты (ИМРА) и метилфосфоновой кислоты (МРА), с большой долей вероятности указывает на то, что был применен заранее синтезированный зарин. И совершенно не понятно, почему группа по расследованию и идентификации (ГРИ), Миссия ОЗХО по установлению фактов, связанных с применением химических веществ в качестве

оружия (МУФС) и ряд других организаций утверждают, что в Сирии применялся бинарный вариант зарина с участием гексамина в качестве акцептора фтористого водорода.

Здесь необходимо подчеркнуть, что в случае реального применения бинарного боеприпаса, содержащего DF, изопропанол и алифатический амин (например, изопропиламин), на месте подрыва боеприпаса амин ввиду его высокой летучести обнаружить чрезвычайно затруднительно. Кроме того, для подрыва боеприпасов использовался гексоген, тогда как в штатных боеприпасах ВС США и других стран гексоген никогда не использовался.

В заключении ГРИ утверждается, что обнаружение в смеси на месте подрыва аниона гексафторида фосфора свидетельствует об однозначном использовании фтористого водорода в качестве фторирующего агента. Однако в доступных публикациях, посвященных изучению процессов замещения атомов хлора на фтор в молекулах производных фосфонатов, отмечается, что при использовании в качестве фторирующих реагентов различных фторидов неметаллов в образующихся реакционных смесях может присутствовать ион гексафторида фосфора [21]. Поэтому обнаружение в какой-либо смеси, наряду с продуктами фторирования, присутствие и аниона гексафторида фосфора не может являться основанием для однозначного утверждения об использовании в качестве фторирующего реагента фтористого водорода.

Необходимо отметить, что Совместный механизм ООН – ОЗХО по расследованию случаев применения химоружия в Сирии (СМР) только в середине 2017 г. получил более десяти сообщений об обретении, обладании, передаче, либо намерении использовать химическое оружие или отравляющие вещества негосударственными субъектами. В том числе были получены сообщения, в которых говорилось об обретении негосударственными субъектами (такими, как запрещенные в РФ ИГИЛ и «Джабхат ан-Нусра» ракет и снарядов, начиненных отравляющими веществами. В случае с химическим терроризмом, с высокой долей уверенности, можно говорить об опасности бесконтрольного и масштабного накопления вооружений не государствами, которые являются субъектами отношений в области контроля над вооружениями, разоружения и нераспространения, а негосударственными субъектами, ставящими перед собой цель подрыва стабильности и безопасности как в отдельных государствах и регионах, так и в глобальном масштабе. По сути, гонка вооружений приобретает нового субъекта. Об этом свидетельствует появление под контролем

ИГИЛ промышленных мощностей по производству химоружия.

Авторов, написавших многоплановую работу [17], трудно заподозрить в симпатиях к России или правительству Сирии. Но при рассмотрении вопроса «Химическое оружие массового уничтожения и терроризм: анализ угроз» обращено внимание на то, что инсайдерская деятельность в области работ с токсичными химическими веществами может ликвидировать трудности производства токсичных химикатов и их средств доставки. В результате развития науки и техники растет количество людей, работающих с высокотоксичными веществами двойного назначения и обладающих знаниями и опытом, которые могут быть использованы в террористических целях. Инсайдеры, решившие участвовать в химическом терроризме, могут иметь самые различные мотивы – от идеологических до финансовых. В данной работе подчеркивается, что следует серьезно рассматривать возможность того, что ранее произведенные сирийские отравляющие вещества могли попасть в руки террористических группировок во время гражданской войны.

Однако руководящая группа СМР уверенно возложила ответственность за применение зарина в Сирии на Сирийскую Арабскую Республику, подчеркнув, что в распоряжении ГРИ нет информации, которая могла бы указывать на возможность каких-то других, альтернативных выводов, несмотря на то, что ее расследование якобы пыталось проверять и альтернативные гипотезы.

Медицинские аспекты и формулировки. Первый инцидент, связанный с химическим терроризмом с применением зарина, произошел в Японии [22]. Японская религиозная секта Судного дня (или «Аум синрике») использовала зарин против гражданских лиц в Японии 27 июня 1994 г. Целью террористического акта было общежитие в Мацумото, где проживали трое судей, которые вынесли решение против секты в суде по земельной сделке [15]. Была предпринята попытка распространить зарин (примерно 600 г зарина в концентрации 33 масс. %, смешанного с гексаном и N,N-диэтиланилином) на открытом воздухе, однако неустойчивое направление ветра не привело к смертельному поражению судей. Однако в тот же вечер погибли семь человек, находившихся по соседству, и более 144 мирных жителей получили поражения различной степени тяжести. По всей видимости, организаторы учли особенности применения летучих токсичных химикатов и уже следующей попыткой «Аум синрике» было распространение зарина на закрытой территории. Для этого было выбрано место в системе Токийского метро, где

пять поездов должны были встретиться в 8:15 утра. 20 марта 1995 г. члены секты в поездах проткнули пластиковые пакеты, содержавшие 30 масс. % зарина, острыми зонтиками. Это привело к постепенному испарению зарина и образованию смертоносного газового облака. В результате этой химической атаки двенадцать пассажиров погибли и около 5500 обратились за медицинской помощью.

Острые симптомы, характерные для зарина, были описаны в обоих случаях и состояли из миоза (сужение зрачков), увеличения трахеобронхиального секрета, сужения бронхов, ларингоспазма, повышенной потливости, недержания мочи и кала, мышечных фасцикуляций, тремора и судорог. У неэкспонированных людей были различные симптомы, в первую очередь связанные со стрессом реакции, и в некоторых случаях эти симптомы сохранялись. На основании данных 627 пострадавших, находившихся на лечении в больнице Святого Луки, симптомами, перечисленными в порядке распространенности, были миоз (сужение зрачков; 90,5 %), головная боль (50,4 %), нарушение зрения (37,6 %), боль в глазах (37,5 %), одышка (29,2 %), тошнота (26,8 %), кашель (18,8 %), боль в горле (18,3 %) и помутнение зрения (17,9 %). Случаи были классифицированы как тяжелые, если они включали судороги или остановку дыхания, требующие механической вентиляции, умеренные для респираторных расстройств или фасцикуляций и легкие только для глазных симптомов (рисунок 1).

Нельзя исключать, что террористический акт с использованием зарина, совершенный религиозными «фанатиками» в Японии, послужил определенным учебным пособием для организаторов и исполнителей химических атак в Сирии. В то же время данные об основных симптомах при поражении заринном в случае массового отравления людей были довольно неудачно скопированы представителями рабочих групп ООН – ОЗХО в Сирии.

Рабочие группы ООН – ОЗХО проводили работу по установлению масштабов последствий применения зарина. Эта деятельность, в основном, заключалась в следующем:

- изучение экспертных заключений в отношении оказанной медицинской помощи, описанных в показаниях очевидцев и медицинских отчетах, а также помощи, оказанной в ряде медицинских учреждений;
- определение общего количества пострадавших;
- определение степени тяжести отравления по характерным симптомам и т.п.

Наиболее характерный пример реальной работы рабочих групп проявился в расследовании обстоятельств применения зарина 4

Рисунок 1 – Эвакуация пораженных в результате теракта с использованием зарина в токийском метро (URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2018/03/19/national/crime-legal/1995-aum-sarin-attack-tokyo-subway-still-haunts-leaving-questions-unanswered/> / Дата обращения: 11.12.2022)

апреля 2017 г. в Хан Шайхуне, который в тот момент находился вне контроля Правительства Сирийской Арабской Республики.

С точки зрения ведущих специалистов Российской Федерации, работа комиссии ОЗХО проводилась ближе к формальному выполнению необходимых задач при проведении такого рода расследований. Основные методы сбора и оценки надежности информации включали, в частности, следующие: исследование существующих сообщений; оценка и подтверждение бэкграунда; проведение опросов медицинского персонала, предполагаемых пострадавших и других лиц, имеющих отношение к предполагаемому инциденту; изучение документации и записей, предоставленных опрошенными; изучение и оценка симптомов

пострадавших, как они описывались опрошенными; сбор биомедицинских образцов и проб из объектов окружающей среды для последующих анализов.

Эпидемиологическое расследование должно было дать информацию о масштабе каждого события и обеспечить контекстуальную и географическую информацию, которая должна быть впоследствии перепроверена и подтверждена той группой, которая занимается пробами с объектов окружающей среды.

Однако, как уже было сказано выше, МУФ не смогла лично посетить место предполагаемого инцидента¹⁶ и таким образом не имела возможности:

- оценить географическое местоположение места предполагаемого инцидента;

¹⁶ Миссии по установлению фактов в Сирии практически никогда не выезжают на места предполагаемого применения химического оружия, ссылаясь на соображения безопасности. С одной стороны, все международные организации, базирующиеся на Западе, действительно очень серьезно относятся к вопросам безопасности своих сотрудников в горячих точках и при первой же угрозе либо полностью покидают проблемный регион, либо нанимают местный персонал. С другой стороны, это приводит к тому, что сотрудники МУФ не имеют возможности сами отбирать пробы на местах предполагаемых инцидентов, что является грубейшим нарушением принятых в ОЗХО процедур (Standard Operating Procedures), поскольку только так можно обеспечить неприкосновенность и сохранность проб (chain of custody). Ранее в прошлом даже то обстоятельство, что инспектора пробы отбирали пробоотборниками, не привезенными с собой, а предоставленными местной стороной, служили основанием для того, чтобы поставить под сомнение результаты анализов. В Сирии, однако, все делается гораздо проще – представители МУФ принимают пробы, взятые сирийской оппозицией с видеофиксацией процесса пробоотбора. Как минимум однажды – при расследовании предполагаемого применения ХО в Саракибе (провинция Идлиб, САР) 4 февраля 2018 г. – это обстоятельство дало результат, заставляющий усомниться в подлинности проб и, как следствие, в доказательной базе расследования о гипотетическом применении химического оружия. Речь шла о проверке многочисленных сообщений о применении хлора (sic!) в баллонах. На место происшествия представители МУФ выехать не смогли по соображе-

- посетить больницы и клиники, где пострадавших лечили в первое время (с самого начала);

- получить непосредственный доступ к записям, в том числе регистрационным карточкам пациентов, медицинским картам, схемам лечения, отчетам о проведении лабораторных исследований, которые велись в медицинских учреждениях, куда пострадавшие поступили изначально;

- провести непосредственно на месте происшествия сбор доказательной базы и клинические обследования.

Практически всю информацию рабочие группы ООН – ОЗХО получали из каких-либо открытых источников, местных медицинских работников, населения, представителей вооруженных антиправительственных формирований. Источниками информации были такие организации, как Центр перспективных международных исследований (C4ADS); Центр документации по химическим нарушениям Сирии (CVDCS); Комиссия по международному правосудию и отчетности (CIJA); Аналитический проект Европола по основным международным преступлениям (AP CIC); Европейский Союзный спутниковый центр; Институт глобальной государственной политики (Gppi) – мир и безопасность; Защита прав человека; независимая международная комиссия по расследованию событий в Сирийской Арабской Республике; Правовая инициатива Открытого общества; Мир СОС; гражданская оборона Сирии (SCD, также известную как «Белые каски»); Сирийский Центр Правосудия и подотчетности; Сирийская сеть по правам человека (SNHR); Сирийский альянс НПО, Всемирная метеорологическая организация (ВМО) и т.п. [12].

Комиссии отмечали, что определение тяжести симптоматики зависит от определения, данного конкретным врачом и/или больницей, и оно не обязательно сопоставимо с определением, данным другими.

В представленных ниже иллюстрациях и цифрах суммированы данные из отчетов и документов, присланных УЗИ. В общем количестве пораженных включены также и погибшие. Как отмечалось выше, нельзя исключить веро-

ятности, что некоторые пациенты, зарегистрированные в Хан Шайхуне, также обращались и были зарегистрированы и в других больницах из-за затянувшихся симптомов. Как следствие, они были зарегистрированы дважды.

Всего около 200 человек. Симптомы: респираторные, любые – 199 (99,5 %); потеря сознания – 64 (32,0 %); конвульсии, спазмы – 65 (32,5 %); слюноотделение, пена изо рта – 100 (50,0 %); кашель – 47 (23,5 %); тошнота, рвота – 84 (42,0 %); головокружение, головная боль – 17 (8,5 %); перевозбуждение – 31 (15,5 %); потоотделение – 53 (26,5 %); покраснение глаз – 52 (26,0 %); сужение зрачков – 167 (83,5 %); припухлость остроты зрения – 19 (9,5 %).

Несмотря на явно предвзятое отношение рабочих групп к правительству Сирии, в ряде отчетов были фрагментарно упомянуты нестыковки, противоречия, откровенно абсурдные данные в предоставляемой информации. В этом плане, к наиболее характерным попыткам представления заведомо ложной информации можно отнести следующие моменты:

- в ряде случаев пострадавшие были доставлены в стационары до установления фактов применения зарина, однако СМР не проводил расследование в отношении этих несоответствий и не смог установить связь несоответствий с возможным постановочным сценарием или же с неадекватным ведением отчетности в условиях хаоса;

- несоответствие результатов анализов биомедицинских проб пострадавших и признаков, симптомов отравления заринном; неоднократно были выявлены несоответствия результатов анализов на наличие зарина (продуктов распада зарина) в моче (положительный результат) и в крови (отрицательный результат). Медицинские эксперты отметили, что сочетание негативного результата анализа крови и положительного результата анализа мочи невозможно.

Несмотря на то, что в медицинских отчетах и действиях спасателей были выявлены потенциально значимые несоответствия, рабочие группы ООН – ОЗХО сочли, что это явилось результатом слабой подготовки кадров, условиями хаоса или стремления преувеличить серьезность ситуации для последующего освещения в СМИ. Но вариант намеренной под-

ням безопасности и пробы получили от сирийской оппозиции, в том числе от «Белых касок». Пробы разделили на аликвоты и направили в назначенные лаборатории. Результаты анализов показали наличие диизопротилметилфосфоната (DIMP), изопротилметилфосфоната (IPMPA) и метилфосфоновой кислоты (MPA). Объяснения, каким образом хлор превратился в продукты разложения зарина, явно лежат за пределами химической науки. Еще интересная деталь – все свидетели инцидента дружно рассказывали, что в момент предполагаемого химического нападения взрыва не было. Между тем, в результатах анализов были обнаружены следы взрывчатки (тринитротолуола, TNT). В результате в итоговом отчете МУФ вынуждена была признать, что в пробах обнаружены химикаты, присутствие которых нельзя объяснить естественными причинами и к хлору они отношения не имеют, но информации, позволяющей сделать какие-либо выводы, в распоряжении ОЗХО недостаточно [12].

тасовки фактов с целью скрыть явно постановочный характер произошедшего применения зарина совершенно не рассматривался.

Следует обратить внимание и на такой момент, когда на представленных кадрах спасательных и дегазационных мероприятий спасатели беспорядочно поливают людей водой из шланга на протяжении длительного времени. Эти действия спасателей вызвали у специалистов в области физиологически активных веществ, мягко говоря, недоумение. Однако, если углубиться в историю исследований действия нервно-паралитических веществ на человека, то можно обнаружить интересный цикл работ середины прошлого столетия. D. Grob с соавторами проводили эксперименты по изучению воздействия фосфорорганических токсичных веществ на человека и мелких лабораторных животных [23–25]. В этих публикациях указано, что представленные работы были в основном выполнены по контракту между медицинскими лабораториями химического корпуса армии США и университетом Джона Хопкинса. Можно предположить, что некоторые формулировки и результаты исследований из прошлого явились инструктивным посланием для ряда нынешних специалистов неправительственных оппозиционных и террористических группировок в Сирии. Именно в этих работах употребляется термины «нервно-паралитический газ», «жидкий нервно-паралитический газ». Более аккуратные англичане обратили внимание на то, что общепринятые формулировки «нервно-паралитический агент» заменены на «нервно-паралитический газ» [16]. В упомянутых работах D. Grob с соавторами имеет место пассаж о том, что место, пораженное заринном, следует промыть обильным количеством воды. Поэтому нельзя исключить, что на каких-то этапах подготовки варварских действий в Сирии активное участие принимали некавалифицированные советники из США.

Заключение

Современный терроризм представляет собой сложную систему, состоящую из комплекса взаимодополняющих процессов – идеологических, криминальных, военных, политических, религиозных и националистических. Наиболее серьезной угрозой для человечества является технологический терроризм, который заключается в использовании или угрозе использования химического и биологического оружия, радиоактивных и высокотоксичных химических веществ, а также в попытках захвата экстремистами ядерных и иных про-

мышленных объектов, представляющих повышенную опасность для жизни и здоровья людей, ради достижения политических и иных целей. Одним наиболее вероятным и опасным направлением действий экстремистов на сегодняшний день является создание и использование токсичных химикатов. Исходя из современных фактов тактических приемов действий экстремистов, можно утверждать, что возможность проявления терроризма с использованием высокотоксичных химических веществ будет только возрастать. В свою очередь это может привести к военным конфликтам, для которых роль *casus belli* сыграют фэйковые новости от глобальных СМИ. Примером такой ситуации может быть гражданская война в Сирии.

На протяжении нескольких лет в Сирии неоднократно имели место террористические атаки с применением зарина. Зарин был идентифицирован и на местах подрыва боеприпасов, и в биомедицинских пробах. Однако совершенно очевидна фальсификация фактов применения зарина боеприпасами бинарного исполнения. Проведенный анализ совокупности рассмотренных фактов позволяет утверждать, что использовался заранее синтезированный зарин в грубо имитированных боеприпасах якобы бинарного снаряжения. Рабочие группы ООН – ОЗХО, как правило, на места применения зарина не выезжали, занимаясь исключительно сбором информации из каких-либо непроверенных, сомнительных открытых источников в интернете, от антиправительственных оппозиционных организаций, местных медицинских работников, населения, представителей вооруженных антиправительственных формирований. В то же время, наблюдалось практически полное игнорирование данных, которые представляло правительство Сирии. Одиозное стремление США и стран Запада нагнетать международную напряженность в гегемонистских целях привело к чрезвычайно опасной ситуации массового использования в гибридной войне высокотоксичных химикатов. Единственным механизмом, позволившим в Сирии пресекать такие провокации, стало использование российской стороной публичного предупреждения о месте и времени намечающейся постановки. В то же время такая избирательная позиция ООН и ОЗХО может в любой момент привести к утрате контроля над химическим оружием в отдельных регионах мира.

Вклад авторов / Authors Contribution

Все авторы внесли свой вклад в концепцию рукописи, участвовали в обсуждении и написании этой

рукописи, одобрили окончательную версию. Все авторы прочитали и согласились с опубликованной версией рукописи / All authors contributed to the conception of the manuscript, the discussion, and writing of this manuscript, approved the final version. All authors have read and agreed to the published version of the manuscript.

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют, что исследования проводились при отсутствии любых коммерческих или финансовых отношений, которые могли бы быть истолкованы как потенциальный конфликт интересов.

Сведения о рецензировании

Статья прошла открытое рецензирование двумя рецензентами, специалистами в данной области. Рецензии находятся в редакции журнала и в РИНЦе.

Финансирование. Работа выполнена при финансовой поддержке 27 НЦ МО РФ.

Список источников / References

1. Бартош А.А. Стратегия и контрстратегия гибридной войны // Военная мысль. 2018. № 10. С. 5–20.
Bartosh A.A. Strategy and Counter-Strategy of Hybrid War // Military Thought. 2018. № 10. P. 5–20 (in Russian).
2. Бартош А.А. Экстремизм, терроризм и сепаратизм как важные составляющие стратегии гибридной войны Запада против России // Научные труды ученых Отделения общих проблем войны, мира и армии Академии военных наук. М., 2019. С. 158–169.
Bartosh A.A. Extremism, Terrorism and Separatism as Important Components of the Strategy of the West's Hybrid War against Russia // Scientific Works of Scientists from the Department of General Problems of War, Peace and the Army of the Academy of Military Sciences. Moscow, 2019. P. 158–169 (in Russian).
3. Сержантов А.В., Смоловый А.В., Долгополов А.В. Трансформация содержания войны: от прошлого к настоящему – технологии гибридных войн // Военная мысль. 2021. № 2. С. 20–27.
Serzhantov A.V., Smolovy A.V., Dolgoplov A.V. Transformation of the Content of War: from Past to Present – Technologies of Hybrid Wars // Military Thought. 2021. № 2. P. 20–27 (in Russian).
4. Ивашов Л.Г. Операции мягкой силы в гибридной войне // Мягкая сила: теория и практика в международных отношениях. М., 2018. С. 89–108.
Ivashov L.G. Operations of Soft Power in the Hybrid War // Soft Power: Theory and Practice in International Relations. Moscow, 2018. P. 89–108 (in Russian).
5. Моисеев А.И. Проблема определения терроризма в международном праве // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 12. С. 2919–2923.
Moiseev A.I. The Problem of Defining Terrorism in International Law // Actual Problems of Russian Law. 2014. № 12. P. 2919–2923 (in Russian).
6. Латинско-русский словарь / Под ред. Дворецкого И.Х. М., 1986. С. 767–768.
Latin-Russian Dictionary / Ed. Dvoretzkiy I.Ch. Moscow, 1986. P. 767–768.
7. Bartholomae Ch. Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1904. P. 644.
8. Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. Репринт V-го издания 1899 г. М., 1991. С. 1254.
Weisman A.D. Greek-Russian Dictionary. Reprint of the 5th Edition of 1899. Moscow, 1991. P. 1254.
9. Зияд Захер Един. Подходы исламских правоведов к определению международного терроризма. Источник: <https://www.sovremennoepravo.ru/>
Ziyad Zaher Yedin. Approaches of Islamic Jurists to the Definition of International Terrorism. Source: <https://www.sovremennoepravo.ru/> (in Russian).
10. Шейх Юсуф Кардави. Дозволенное и запретное в Исламе. М., 2005. С. 301–303.
Sheikh Yusuf al-Qaradawi. Permissible and Forbidden in Islam. Moscow, 2005. P. 301–303.
11. Абд ар-Рахман ибн Насир Саади. Толкование Священного Корана Облегчение от Великодушного и Милостивого. В 2-х т. Т. 1. М.: Умма, 2006. С. 724.
Abd al-Rahman ibn Nasir Saadi. Interpretation of the Holy Quran Relief from the Generous and Merciful. In 2 Vols. V. 1. Moscow: Umma, 2006. P. 724 (in Russian).
12. Ковтун В.А., Колесников Д.П., Супотницкий М.В., Шило Н.И. Сирийская химическая война // Вестник войск РХБ защиты. 2018. Т. 2. № 3. С. 7–39.
Kovtun V.A., Kolesnikov D.P., Supotnitskiy M.V., Shilo N.I. Syrian Chemical War // Journal of NBC Protection Corps. 2018. V. 2. № 3. P. 7–39 (in Russian).
13. 2 Case Study: The OPCW in Syria // Peter van Ham, Sico van der Meer, Malik Ellahi. Chemical Weapons Challenges Ahead: The Past and Future of the OPCW, Oct. 1, 2017. P. 29. URL: https://www.jstor.org/stable/resrep17327.5?seq=1#metadata_info_tab_contents
14. Pita R., Domingo J. The Use of Chemical Weapons in the Syrian Conflict // Toxics. 2014. V. 2. P. 391–402;

<https://doi.org/10.3390/toxics2030391>

15. Chemical Warfare Agents: Chemistry, Pharmacology, Toxicology, and Therapeutics / Eds Romano J.A., Jr., Lukey B.J. 2nd ed. 2008. 744 p.

16. Chemical Warfare Agents: Toxicology and Treatment / Eds Marrs T.C., Maynard R.L., Sidell F.R. 2nd ed. 2007. 753 p.

17. Handbook of Toxicology of Chemical Warfare Agents / Ed. Gupta R.C. 2nd ed. 2015. 1137 p.

18. Синицын А.Н., Глотов Е.Н., Романенко С.Н. и др. Современное состояние и перспективы продолжения исследований в области химии отравляющих веществ в условиях действия Конвенции о запрещении химического оружия / Под ред. Холстова В.И. М.: ВАХЗ, 1999. 93 с.

Sinitsyn A.N., Glotov E.N., Romanenko S.N. et al. Current State and Prospects for Continuing Research in the Field of Chemistry of Poisonous Substances under the Conditions of the Convention on the Prohibition of Chemical Weapons / Ed. Kholstov V.I. Moscow: VAKhZ, 1999. 93 p. (in Russian)

19. Franke S. Lehrbuch der Militärchemie. Band 1. Deutscher Militärverlag. Berlin, 1967.

20. Лос К. Синтетические яды / Перевод с нем. М.: Изд-во иностранной литературы, 1963. 259 с.

Los K. Synthetic Poisons / Translation from German. Moscow: Publ. House of Foreign Literature, 1963. 259 p.

21. Fild M., Handke W. Methylene Compounds of Nonmetals. V. Methylendiphosphorus halides // Zeitschrift fuer Anorganische und Allgemeine Chemie. 1987. V. 555. P. 109–117.

22. Okumura T., Suzuki K., Fukuda A. et al. The Tokyo Subway Sarin Attack: Disaster Management, Part 1: Community Emergency Response // Acad. Emerg. Med. 1998. V. 5. № 6. P. 613–617. <https://doi.org/10.1111/j.1553-2712.1998.tb02470.x>

23. Grob D., Harvey A.M. The Effects and Treatment of Nerve Gas Poisoning // Am. J. Med. 1953. V. 14. P. 52–63.

24. Grob D. The Manifestations and Treatment of Poisoning Due to Nerve Gas and Other Organic Phosphate Anticholinesterase Compounds // Arch. Int. Med. 1956. V. 98. P. 221–239.

25. Grob D., Harvey J.C. Effects in Man of the Anticholinesterase Compound Sarin (isopropyl methyl phosphonofluoridate) // J. Clin. Invest. 1958. V. 37. P. 350–368.

Об авторах

Федеральное государственное бюджетное учреждение «27 Научный центр» Министерства обороны Российской Федерации. Российская Федерация, 111024, г. Москва, проезд Энтузиастов, д. 19.

Глотов Евгений Николаевич. Старший научный сотрудник, канд. хим. наук, доцент.

Котов Владимир Павлович. Научный сотрудник отдела.

Лозанов Иван Алексеевич. Начальник отдела, канд. хим. наук.

Макаров Михаил Леонтьевич. Старший научный сотрудник, канд. техн. наук.

Никитин Олег Михайлович. Старший научный сотрудник, канд. хим. наук.

Флеер Александр Михайлович. Заместитель начальника отдела.

Шило Наталья Игоревна. Научный сотрудник отдела.

Контактная информация для всех авторов: 27nc_l@mil.ru

Контактное лицо: Глотов Евгений Николаевич, 27nc_l@mil.ru

International Terrorism Using Toxic Chemicals as an Element of Hybrid Warfare

E.N. Glotov, V.P. Kotov, I.A. Lozanov, M.L. Makarov, O.M. Nikitin, A.M. Fleyer, N.I. Shilo

*Federal State Budgetary Establishment «27 Scientific Centre» of the Ministry of Defence of the Russian Federation, Entuziastov Passage, 19, Moscow 111024, Russian Federation
e-mail: 27nc_1@mil.ru*

Received 10 November 2022. Accepted 27 March 2023.

Modern terrorism is a complex system that consists of a complex of complementary processes – ideological, criminal, military, political, religious and nationalistic. Chemical terrorism is one of the elements of hybrid warfare – a new technology in the fight for the reorganization of the world at the present stage. *The purpose of this article* is to consider one of the elements of hybrid wars – chemical terrorism. *Sources and informational basis of the research, methodology.* In this work, the sources published by the Organization for the Prohibition of Chemical Weapons (OPCW) were used. The publications available through the databases PubMed, Google Scholar, eLibrary, etc. were also studied. Research method – system analysis. The probability of the use of chemical warfare agents and toxic chemicals by terrorists of

various ideological orientations as part of a hybrid war strategy has been studied. *The discussion of the results.* Hybrid military conflicts of a non-classical nature involve the participation of international terrorist organizations in hostilities. The Convention on the Prohibition of the Development, Production, Stockpiling and Use of Chemical Weapons and on Their Destruction (CWC) does not explicitly prohibit non-state actors from obtaining and using chemical weapons. This situation is very convenient for the states that have signed the CWC and use terrorist organizations as part of the strategy of indirect action. In such cases the information and psychological operations are aimed at the collapse and fragmentation of countries, undermining their ability to resist, discrediting their leaders, and causing a split in the ranks of the allies. This was most clearly shown in the incidents with the use of toxic chemicals in Syria. *Conclusion.* Working groups under the auspices of the UN and the OPCW, sent to Syria to investigate incidents with the use of sarin, proved unable to conduct objective investigations. They usually ended up on the side of the sponsors of chemical terrorist attacks, despite the evidence of falsification. This, in turn, can lead to serious military conflicts, for which the role of *casus belli* will be played by false news from the global media. The only mechanism that made it possible to stop such provocations in Syria was a public warning from the Russian side about the place and time of the planned false flag attack. At the same time, such a selective position of the UN and the OPCW can at any moment lead to the loss of the control over chemical weapons in certain regions of the world.

Keywords: *hybrid war; Islam; politics; Russia; Syria; terrorism; toxic chemicals.*

For citation: *Glotov E.N., Kotov V.P., Lozanov I.A., Makarov M.L., Nikitin O.M., Fleyer A.M., Shilo N.I. International Terrorism Using Toxic Chemicals as an Element of Hybrid Warfare // Journal of NBC Protection Corps. 2023. V. 7. № 1. P. 36–52. EDN: keesjz. <https://doi.org/10.35825/2587-5728-2023-7-1-36-52>*

Conflict of interest statement

The authors declare that the research was conducted in the absence of any commercial or financial relationship that could be construed as a potential conflict of interest.

Peer review information

The article has been peer reviewed by two experts in the respective field. Peer reviews are available from the Editorial Board and from Russian Science Citation Index database.

Funding. Federal State Budgetary Establishment «27 Scientific Centre» of the Ministry of Defence of the Russian Federation.

References

See P. 50–51.

Authors

Federal State Budgetary Establishment «27 Scientific Centre» of the Ministry of Defence of the Russian Federation. Entuziastov Passage, 19, Moscow 111024, Russian Federation.

Evgeny Nikolaevich Glotov. Senior Researcher. Candidate of Chemical Sciences. Associate Professor.

Vladimir Pavlovich Kotov. Researcher.

Ivan Alekseevich Lozanov. Head of the Department. Candidate of Chemical Sciences.

Mikhail Leontievich Makarov. Senior Researcher. Candidate of Technical Sciences.

Oleg Mikhailovich Nikitin. Senior Researcher. Candidate of Chemical Sciences.

Alexander Mikhailovich Fleyer. Deputy Head of the Department.

Natalya Igorevna Shilo. Researcher.

Contact information for all authors: 27nc_l@mil.ru

Contact person: Evgeny Nikolaevich Glotov; 27nc_l@mil.ru